

Л. П. Киященко, Т. С. Злотникова

Методологические и эмпирические аспекты изучения массовой культуры в России

Выполнено по гранту Российского научного фонда 14–18–01833

В статье обобщаются итоги исследования, проводившегося в 2014–2016 гг. по гранту Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс». Отмечено главное отличие нашего исследования от более ранних, где массовая культура рассматривалась только в негативном плане, и от современных, где преобладают теоретические рассуждения и в основном отсутствует анализ реальных культурных практик. Отличие нашего исследования от многих других заключается и в такой важнейшей особенности, как развернутый эмпирический анализ российского культурного опыта, что позволило реализовать заявленный в отношении массовой культуры «российский дискурс». В методологическом обосновании проекта специальное внимание уделено философским и междисциплинарным представлениям о дискурсе. Обоснованы состав и специфика кодов массовой культуры в России. Выявлены коды универсальные (текст, миф, игра, архетип, имидж) и специфические (рубежи, образование). Подчеркнуто, что одно из ключевых понятий проекта (контекст) присутствует в исследовании как принципиально выбранный, монтажно организованный фрейм.

Ключевые слова: массовая культура, российский дискурс, методология, междисциплинарность, коды, текст, миф, игра, архетип, имидж, образование, рубежи, контекст.

L. P. Kiyashchenko, T. S. Zlotnikova

Methodological and Empirical Aspects of Studying Popular Culture in Russia

The article summarizes the results of studies carried out in 2014–2016 according to the grant of the Russian Science Foundation «The text and context of popular culture: the Russian discourse». Here is marked the main difference of our study from the earlier ones, where the mass culture was considered only in negative terms, and from modern studies. They dominated in theoretical reasoning and, mostly absent from the analysis of actual cultural practices. A detailed empirical analysis of the Russian cultural experience was made for the first time in our study that allowed us to implement the stated in relation to popular culture «Russian discourse». Special attention is paid to philosophical and interdisciplinary notions of discourse in the methodological substantiation of the project. The structure and specificity of the codes of popular culture in Russia are justified. Universal (text, myth, game, archetype, image) and specific (education, frontiers) codes are identified. It is emphasized that one of the key concepts of the project (context) is present in the study as a special frame.

Keywords: popular culture, Russian discourse, methodology, interdisciplinary, codes, text, myth, game, archetype, image, education, frontiers, context.

Изучение массовой культуры в России имеет своеобразную традицию. С одной стороны, во второй половине XX в. об этой проблеме кто только не говорил и не писал. Вопрос заключался лишь в модальности: речь о массовой культуре всегда шла исключительно как о явлении негативном, привнесенном из-за рубежа, едва ли в принципе существующем в России, а чаще – просто как о глубоко негативном зарубежном опыте. Изучение сложнейшего и имеющего во все не краткую историю культурного феномена в отечественной научной традиции было допустимо лишь в теоретическом плане, если же возникал эмпирический материал, то он был зарубежным и должен был подвергаться осуждению.

Изменение социальных, политических, идеологических реалий в последние четверть века способствовало изменению упомянутой выше

модальности, которая из резко критической стала едва ли не апологетической. Но заметной остается прежняя тенденция: теоретический анализ общих принципов, апелляция к зарубежному культурному опыту, теперь уже не подвергающемуся резкому осуждению.

При всех изменениях научной парадигмы в отношении массовой культуры неизменным осталось минимальное внимание, уделяемое, во-первых, реальным культурным практикам; во-вторых – массиву эмпирического материала, который составляет основу российской массовой культуры; в-третьих – восприятию публикой не столько отдельных явлений, сколько культурного поля массовой культуры как явления глобализирующегося мира в целом.

Именно этим практически не изученным проблемам и посвятили свое исследование ученые

ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, работающие с 2014 г. над проектом по гранту Российского научного фонда «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс».

Полученным в процессе работы результатам и посвящены представленные ниже материалы.

Методологический горизонт исследования

Особое внимание уделено *дискурсу* (*категории дискурса*) как категории междисциплинарной, категории, задающей и поддерживающей необходимую для изучения сложного культурного феномена логику исследования. Дискурс как концепт и как принцип носит в настоящем исследовании не только методологический, но и инструментальный характер, что обусловлено следующими позициями.

Особенностью философского дискурса мы сочли его способность вступать в отношение к самому себе – способность к саморефлексии, включающую самое себя в качестве элемента дискурса. Другими словами, в философском дискурсе мы различаем, но не разделяем «дискурс о» (дискурс-анализ) и «дискурс в» (дискурс-синтез) как относительно автономные в живой речи практики ведения рассуждений. Философский дискурс понимается как сложно организованная структура, функционирующая через дополительность таких его компонентов, как дискурс-анализ и дискурс-синтез¹. Естественный разговорный язык уходит в неизбывный фон, обнажая напряжение между указанными видами дискурса. «Парадоксальным образом, не вынося одиночества и решившись доверить “другим” свои, быть может, самые “сокровенные мысли и чувства”, мы тем самым отдаем себя во власть системы языковых “общих мест”, “топосов”, начиная микротопосами фонетического или лексического порядка и кончая так называемыми “типами дискурса”»².

Представленная нами для изучения сфера массовой культуры неоднократно заставляет нас обратить внимание на различные – как художественные, так и внеэстетические метафоры, являющиеся обобщением и трансформацией обыденных представлений. В связи с этим мы учитывали: метафора «прошивает», сопрягает комплекс дискурс-анализ и дискурс-синтез, задает определенную стилистику рассмотрения такого явления как русской провинции, которое способно приобрести концептуальный профиль. Особенностью такого профиля, если исходить из определения концепта (обязательно учитываемого в связи с дискурсом), является существование

«между» понятием и словом обыденной речи³. Действительно, как и у понятия, у концепта есть претензия на всеобщность и объективность. Но, в отличие от понятия, эта претензия концепта связана с конкретным контекстом применения. Концепт представляет собой парадоксальную структуру особенного всеобщего, по В. Библеру. Как и понятие, концепт нуждается в обосновании. Но если понятие требует универсального обоснования, то концепт исходит из обоснования, сочетающего всеобщее с особенным, например, неотменяемые универсалии культуры находят свое конкретное воплощение в событиях, поступках, решениях повседневной жизни, образуя конкретный индивидуальный профиль биоконцептографии действующего лица в своем времени и пространстве⁴.

В ракурсе нашего исследования мы учитываем не только самостоятельную значимость понятия «дискурс», но и взаимодействие значимых, хотя при этом не рядоположенных понятий, в частности таких, как «текст» и «дискурс»; соглашаемся с замечанием В. Демьянкова о том, что «текст остался словом обыденного языка, а дискурс стал специальным термином наук о человеческой духовности»⁵.

Дискурсивная проблематика исследования массовой культуры как кластера выстроена на основе междисциплинарной методологии, в результате чего актуализированы представления о «коде» (2014), «сфере» (2015) и «уровне» (2016). Следует специально подчеркнуть, что каждая из компонент названного кластера актуализировалась не только в течение одного года, посвященного ее изучению, но и на протяжении всего исследовательского процесса, поэтому, например, публикации, посвященные кодам массовой культуры, производились не только в 2014 г., но и позднее. И – что тоже немаловажно – междисциплинарная проблематика, заявленная в качестве методологического основания проекта, также разрабатывалась по ходу проведения работ, привлекая к себе внимание ведущих участников проекта (например, именно она стала основой подхода к специфическому коду – «рубежи»).

Коды массовой культуры: российский дискурс

На основе ранее осуществленных исследований мы предположили, что корпус текстов массовой культуры, продуцируемых отдельными авторами и группами, вырастает из глобального и локального контекстов, что придает ей специ-

фические социально-культурные, психоэмоциональные, эстетические свойства. Последние аккумулируются в нескольких кодах, которые позволяют верифицировать как универсальный, так и специфический аспекты массовой культуры в ее российском дискурсе.

На основе применения междисциплинарной методологии (социокультурной, семиотической, историко-типологической и эстетической) мы обратились к изучению 2 групп выявленных нами *кодов массовой культуры в России*: (1) универсальных, характеризующих мировой опыт и экстраполируемых в Россию (трансформирующихся в ней) – к ним мы отнесли такие, как *текст, миф, игра, архетип, имидж*; (2) специфических, сформированных или выявленных именно в России в связи с особенностями ее культурной истории, ментальных, аксиологических, социально-психологических, эстетических особенностей – к ним отнесены *рубежи, образование*.

Разумеется, мы учитывали определенную научную традицию отношения к понятийному аппарату, экстраполируя этот аппарат в изучаемую сферу по своему усмотрению. Так, для нас были важны две позиции, касающиеся соотношения понятий кода и текста, пусть в весьма полемичных, но по-своему убедительных версиях. Нам важно помнить, что для П. Пави текст аналогичен *коду*, который «есть правило, произвольно, но жестко ассоциирующее одну систему с другой»⁶. Нам также кажется существенным учесть, что А. Лосев «сводит» текст к *символу*, который «имеет значение не сам по себе, но как арена встречи известных конструкций сознания с тем или другим возможным предметом этого сознания»⁷.

Реализация дискурсивной проблематики исследования массовой культуры в России на основе междисциплинарной методологии позволила интегрировать практически во все сделанные авторским коллективом публикации выработанные нами представления о кодах массовой культуры.

Представим краткий обзор выработанных для изучения массовой культуры в России концептуальных позиций, а также сведений о публикациях, где эти позиции нашли отражение. Отметим, что в ряде случаев, в соответствии с исследовательской логикой, в одной публикации отражались представления об интегрированно существующих в массовой культуре кодах (например, «архетип» и «имидж», «архетип и игра», «игра

и «рубежи» и т. п.), что, с одной стороны, свидетельствует о сложной структуре их пребывания в массовой культуре, с другой – о многоаспектности предпринятого нами исследования.

Текст (универсальный код массовой культуры) – это, в нашем понимании, во-первых, произведение искусства, литературное, кинематографическое, театральное, живописное и т. п.; во-вторых, это поведение человека (текст личности), носителя определенного гендерного, профессионального и, разумеется, национально-ментального статуса; в-третьих, часть системы, причем исходная, первичная, за которой следуют и на которую наращиваются другие, непосредственно с ним связанные и от него зависящие, такие как интертекст и контекст. Проблема текста (и коррелирующего понятия, контекста) стала одной из ключевых в работе по проекту, найдя отражение как в теоретических разработках, так и в углубленном эмпирическом анализе артефактов и акций массовой культуры. Текст в нашем исследовании является базовым концептом, характеризующим коммуникативные потенции культуры, позволяющие выявить наличие универсальных и специфических знаковых систем в творческих и повседневных практиках личности, в том числе – в контексте массовой культуры⁸.

Миф (универсальный код массовой культуры) в ходе исследования был актуализирован в связи с концептами представителей мифокритики, рассматривающих онтологическую роль мифа в культуре, а также с исследованиями, посвященными проблемам мифотворчества в истории культуры. Мифологическая основа массовой культуры учитывает мысль Р. Барта, обратившего внимание на коммуникативную составляющую мифа: «миф – это коммуникативная система, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвентом или идеей, он представляет собой один из способов означивания, миф – это форма»⁹. Опираясь на существующее толкование дискурса, что это речь, наделенная социокультурным измерением, или язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст, мы полагаем, что миф оформляется как дискурс, сочетающий в себе язык и речь, как опосредующее начало. Указано на отличие производства мифов в массовой культуре от традиционного мифотворчества и на то, что массовая культура играет роль современной мифологии. Представления о мифологизации пространства современной культуры пронизывают многие публикации и фрагменты проведенного исследования, но про-

блема отражена и в специально посвященных этому коду публикациях¹⁰.

Игра (универсальный код массовой культуры) рассмотрена как не имеющая дефиниции, четко разработанной в культурфилософском, эстетическом, семиотическом, социопсихологическом, междисциплинарном аспектах. Тем не менее, учтены тенденции и традиции социопсихологического изучения, которые, однако, не учитываются при работе в других научных областях. Однако именно эти традиции особенно важны для изучения массовой культуры в целом и ее российского дискурса в частности. Игра применительно к массовой культуре значима как модель и как деятельность, осуществляемая во всех без исключения сферах жизни социума. Для изучения российской массовой культуры значимо понимание игры как инварианта свободы, как проявления случайности и реализации возможности. Учитывая многообразие типологических представлений об игре и ее жизнетворческих интенциях, российский дискурс массовой культуры осуществлен в многообразных проявлениях и ракурсах¹¹.

Архетип, понимаемый как универсальный код, определяющий российский дискурс массовой культуры и включающий известную формулу К.-Г. Юнга о системе установок, являющихся одновременно образами и эмоциями, присутствует в максимально широком горизонте произведений, акций, даже персон, изученных нами. Мы учитывали, что Юнг соотносил архетип с социальным и нравственным опытом в его конкретном, зримом воплощении. Именно поэтому понятие архетипа, сопоставленное с другим понятием (также рассматриваемым нами как универсальный код массовой культуры, «имидж») было вынесено в заглавие научно-практической конференции «Творческая личность-2015: архетип и имидж», Ярославль, 2015. И именно поэтому архетипичность была рассмотрена и как свойство творческих личностей, репрезентативных для современной России, и как своего рода стержень, на котором выстраивается художественная практика в различных видах искусства – в литературе, театре, кинематографе. За основу изучения архетипа как универсального кода массовой культуры были взяты мужской (построенный на сочетании сдержанности и чувствительности), женский (построенный на сочетании силы и стойкости), детский (младенец-бог и младенец-сирота) и архетип старца (с контрастными представлениями о первой и второй половинах жизни)¹².

Имидж (универсальный код массовой культуры) рассмотрен как образ и как оппозиция действительности, как одна из значимых остроактуальных доминант массовой культуры современной России, имеющая социокультурное, духовно-нравственное, психологическое и коммуникативно-технологическое измерение. Специально подчеркнуто, что это понятие фиксирует стереотипические схемы продуцирования, сохранения, трансляции, репрезентации как продуктов современной массовой культуры России, так и ее культурного наследия. Учтен научный опыт освоения имиджа в мире – в имиджелогии (1960-е гг.), зародившейся в рамках «паблик рилейшнз» (1930-е гг.), в СССР и России (1970-е гг. с приоритетным распространением понятия в области политического и делового имиджирования), как учтены представления из области социологии, социальной психологии, политологии, педагогики. Однако подчеркнуто, что в качестве кода, тем более универсального, в связи с массовой культурой это изучается впервые¹³.

Рубежи (специфический – российский – код массовой культуры) верифицированы как в методологическом плане, с опорой на отечественную культурфилософскую традицию, так и в плане эмпирического изучения пересечений и неожиданных трансформаций, порожденных живыми процессами в разных сферах отечественной массовой культуры. В версии научного коллектива рубежи – это, во-первых, характеристика времени, то есть, рубежи веков и эпох, болезненно и страстно переживаемые именно в России, что было актуализировано в эсхатологическом духе относительно недавно, в 1990–2000-е гг., когда и начинали создаваться многие из рассматриваемых произведений; это, во-вторых, характеристика пространства, то есть рубежи между Россией и остальным миром (Востоком, Западом), а также внутренние рубежи (столица, провинция); в-третьих, это рубежи групп, сообществ, страт (в частности, элита и масса, откуда возникает характерная интонация авторов, мол, «мы с вами все это знаем, понимаем, читали, слышали, констатируем»); в-четвертых, это рубежи и, как и во всех остальных случаях, контрасты гендерного плана, мужское-женское не просто как обыденность, но как проблема. Рубежи как код присутствуют в изучении художественного, политического, религиозного, обыденного опыта в сфере массовой культуры; но этот аспект рубежей отражен в публикациях, посвященных собственно названным сферам. Особое же значение имеет ряд методоло-

гических разработок, показывающих смысл и значение научных рубежей как междисциплинарной основы проведенного исследования¹⁴.

Образование (специфический код российской массовой культуры) представлено в теоретическом, историко-культурном и актуальном ракурсах. Причем последний ракурс детерминирован проблематикой образования в сфере культуры и, кроме того, в пространстве культуры провинциальной. Сделан акцент на персональном аспекте образовательных традиций в России и на духовно, нравственной ответственности образования как системы деятельности, этот же акцент позволил соотнести собственно образовательную проблематику с проблематикой внедрения научных инноваций в сферу образования. Именно потому представлены значимые для системы образования новые научные идеи, подходы к пониманию культуры, направленные на внедрение в интеллектуальный опыт новых поколений фундированных научных представлений. Для участников проекта важна была диалогичность решения проблемы образования как исключительно важного для России, для массовой культуры в России культурного кода, что нашло отражение в нетривиальной «фактуре» сделанных публикаций¹⁵.

По результатам формирования глоссария авторская группа выработала принципиально значимый подход к изучению и презентации материалов относительно каждого понятия. Полагая эти понятия концептами, мы подчеркнули широкий спектр понимания одного и того же концепта, указали, что не все концепты исследованы в полной мере, хотя их функциональное применение в научных исследованиях имеет достаточно широко распространенные традиции. Коллективная работа в проекте обеспечила взаимную интеграцию отдельных материалов, причем одно из ключевых понятий проекта «контекст» присутствует в большинстве исследовательских фрагментов как принципиально выбранный монтажно организованный фрейм.

¹ Огурцов А. П. Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемические основания (статья первая) [Текст] // Методология науки и дискурс-анализ. – М., 2014. – С. 14.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст]. – М., 1989. – 616 с.

³ Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепт [Текст] // Философская энциклопедия. – М, 2000. – Т. II. – С. 306.

⁴ Киященко Л. П., Тищенко П. Д. Эллипсис междуречья: опыт био-концепто-графии [Текст] // Языки культур: образ – понятие – образ. – СПб. : РХГА, 2009. – С. 129–155.

⁵ Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [Текст] // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В. Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 50.

⁶ Пави П. Словарь театра [Текст] / пер. с фр. Л. Баженова и др.; под ред. К. Разлогова. – М.: Прогресс, 1991.

⁷ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / ред. А. А. Тахо-Годи. – Изд. 2-е, испр. – М.: Искусство, 1995.

⁸ Ерохина Т. И. Текст – код массовой культуры [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 37–45; Злотникова Т. С., Киященко Л. П., Новиков М. В. Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1. – С. 21–27; Ерохина Т. И. Дневник как текст русского символизма [Текст] // Филология и культура. – 2014. – № 37(3). – С. 98–102; Александрова М. В. Мемуарное повествование крестьянина И. Юрова в контексте взаимодействия индивидуального опыта и массовой культуры [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – С. 284–287; Злотникова Т. С., Шапошников В. А. Олимпиада как текст массовой культуры [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1. – С. 269–274; Ерохина Т. И. Ярославский текст как семиотическая система [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1. – С. 264–268.

⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст]. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72–130.

¹⁰ Ерохина Т. И. Миф – категория и картина мира [Текст] // Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – С. 49–60; Злотникова Т. С., Новиков М. В. Полифония русского мифа [Текст] // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2014. – Том 16. – № 2(4). – С. 1019–1021.

¹¹ Злотникова Т. С. Игра – деятельность и стратегия [Текст] // Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – С. 70–83; Добрецова С. А. Уникальная творческая личность и артефакт «массового поражения» [Текст] // Вопросы культурологии. – 2015. – № 4. – С. 101–107; Ильмова Ю. А. «Игра в античность» в пространстве современной массовой культуры [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 324–333.

¹² Злотникова Т. С. Архетип в философско-психологической традиции [Текст] // Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – С. 34–48; Злотникова Т. С. Имитация «документального» и симуляция «художественного» в современной массовой культуре [Текст] // Филология и культура. – 2014. – № 37(3). – С. 201–206; Злотникова Т. С., Ерохина Т. И. Мужской архетип в игровом поле российской массовой культуры [Текст] // Вопросы культурологии. – 2014. – № 11. – С. 11–18; Злотникова Т. С. Женский архетип в российской массовой культуре [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 4. – С. 230–236; Злотникова Т. С., Горохова О. В. Отечественная анимация в модуле архетипа ребенка [Текст] // Обсерватория культуры. – 2016. – № 2. – С. 160–166; Злотникова Т. С. Архетип старца

и имидж любимца публики (парадоксы возрастного бытия артистов О. Табакова и С. Юрского) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 180–185; Ерохина Т. И. Гендерные архетипы Серебряного века в современной массовой культуре [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5; Ерохина Т. И., Тирахова В. А. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 320–324.

¹³ Летина Н. Н. Имидж в культурологическом дискурсе [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 51–57; Злотникова Т. С., Хрящева И. А. Феномен хипстера в мировой культуре (от судьбы к имиджу) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 242–249; Летина Н. Н., Буренина Н. А. Имиджевый фактор восприятия аудиторией творчества журналиста-аналитика [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 276–279.

¹⁴ Летина Н. Н. Рубежи – специфический код массовой культуры [Текст] // Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – С. 84–98; Киященко Л. П. Беспокойство становления целостностью. Вариации на тему трансдисциплинарности [Текст] // Вопросы философии. – 2015. – № 11. – С. 76–86; Мазилев В. А. Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы [Текст] // Психологический журнал. – 2015. – Том 36. – № 3. – С. 87–96; Злотникова Т. С. «Там, за нигде, за его пределом» (попытка диалога с

философами) [Текст] // Философия и культура. – 2016. – № 2. – С. 603–611.

¹⁵ Злотникова Т. С. Образование в системе кодов массовой культуры [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 46–51; Злотникова Т. С. 3D – и это не гаджет: другая книга философа [Текст] // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 2. – С. 34–41; Злотникова Т. С. Культура принимает вызовы глобализирующегося мира [Текст] // Вопросы культурологии. – 2015. – № 1. – С. 79–83; Злотникова Т. С., Киященко Л. П. Диалог о методологии социокультурного исследования массовой культуры в России [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 211–219; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: эксперимент с «чиновниками от просвещения» (Н. П. Боголепов, Г. Э. Зенгер) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 2. – С. 151–165; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Университеты России на рубеже XIX–XX вв.: эксперимент с «чиновниками от просвещения» (А. Н. Шварц, Л. А. Кассо) [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 301–311; Новиков М. В., Юй Цзымэй. Единый учебник по истории России: постановка проблемы и дискуссия (на китайском языке) [Текст] // Вопросы преподавания истории. – Шанхай, КН. – 2015. – № 5. – С. 124–127; Добрецова С. А. Многогранность творческой и педагогической деятельности Михаила Соколова [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. 2. – С. 268–270.